

18+

Дмитрий Сарвин

ТОММЕЛИСА

Заблудившаяся в лабиринте траншей

Дмитрий Сарвин

**Томмелиса. Заблудившаяся
в лабиринте траншей**

«Издательские решения»

Сарвин Д.

Томмелиса. Заблудившаяся в лабиринте траншей / Д. Сарвин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533224-0

Это история, происходящая в раздираемом на части мире, рассказывает о судьбе девочки по имени Томмелиса. Она со своими друзьями изо всех сил пытается выжить в кипящем вокруг нее аду Первой Мировой войны.

ISBN 978-5-00-533224-0

© Сарвин Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Томмелиса

Заблудившаяся в лабиринте траншей

Дмитрий Сарвин

© Дмитрий Сарвин, 2025

ISBN 978-5-0053-3224-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Под топот армий, гром орудий...»

«Солнечный диск раскалённой фрезой воткнулся в горизонт, и некогда белая вата туч налилась багрянцем». Багряные всполохи на сером фоне – вот цветовая гамма, характерная для повести Дмитрия Сарвина «Томмелиса».

Книга, наполненная метафорами и написанная поэтическим языком, погружает читателя в хаос войны. События развиваются «под топот армий, гром орудий, под „нюпоров“ гудящий лёт». Но автор, словно противопоставляя ужас реальности свету, горящему в человеческих сердцах вопреки обстоятельствам, оставляет антиутопическую надежду на светлое завтра: «Всё то, о чём мы, как о чуде, мечтали, может быть, придёт». Он наполняет каждый день своих героев смыслом, который люди способны создать для себя сами буквально из ничего. Надежда превращается в путеводную нить, манит обещанием семьи, любви, покоя.

Книга Дмитрия Сарвина соткана из противоречий. Мрачные декорации, состоящие из разрушенных зданий, покорёженных фонтанов, мёртвых тел, сгоревших в огне полей: «Она бежала мимо подбитых танков, убитых солдат, запинаясь и падая на обгоревшие стебли пшеницы, а по ней, захлёбываясь от злости и ярости, стрелял вражеский пулемёт...» Кровь на бинтах и руках прачек... Беспризорники, которых можно продать и купить для своих нужд: «Томмелиса поступила ко мне два с половиной года назад. Умеет читать, писать, играть на скрипке. С детьми не конфликтует. Послушна. Умна. Будет хорошей помощницей... Десять за девочку плюс ещё два за оформление бумаг, итого – двенадцать скиллингов. Будете брать?» Эта серая реальность, что взрывается тут и там кровавым адом, цинизм, от которого захватывает дух, – лишь фон. На нём отчётливее видны лучшие качества человека, героизм, воспетый в произведениях классиков и современников, любовь, способная разгореться из крошечной искры, оптимизм, что не угасает даже тогда, когда не остаётся последних крох надежды, указывавших путь во тьме. Всё это в книге Дмитрия Сарвина. Всё это в любой войне: реальной или воображаемой, во сне или наяву.

Есть ли конец несчастьям? Спасение от беды? Повесть «Томмелиса» – это не военная литература в каноническом представлении. Это скорее произведение в жанре антиутопии. Серость фона подчёркивается казёнными оборотами, контрастирующими с романтическими метафорами, украшается узорами бюрократии, нарочитой безликостью и бездушностью убежища: «В ССПУ (Союзе Солидарных Подземных Убежищ) пристально и строго следили за соблюдением всех правил и законов. Для этих целей было создано целое подразделение жандармерии. В случае, когда гражданин, проживающий в подземном убежище, нарушал установленные правила, виновного сразу депортировали во внешний мир, без малейшего шанса на возвращение». Надземный мир становится антагонистам подземного. Первый – это смерть в огне и мучениях. Второй – прозябание в равнодушии, одиночестве и полузабытье, искусстве, созданном и пестующемся «во имя общего блага». Так неужели нет выбора? Правда ли, что есть лишь пожирающее тело пламя и убивающая душу трясына? Неужели книга затевалась лишь для того, чтобы показать – осталась только одна надежда, от которой кровь стынет в жилах: «Томмелиса в изодранной гимнастёрке, обхватив руками худенькие плечи, печально смотрела в небо. В рваных прорехах сизых туч, словно искорка надежды, блеснули фюзеляжи стальных „ласточек“. Звено, выполнив боевое задание, возвращалось домой»? И нет иного пути? Ни намёка на спасение? В такое невозможно поверить. Это нельзя принять. И писатель, будучи оптимистом, отказывается принимать такую правду. Он не позволяет ни героям, ни читателям опустить руки. Потому что его история не о конце цивилизации, не о людской глупости, фанатизме, жестокости или беспросветном отчаянии.

Книга Дмитрия Сарвина – это напоминание о недопустимом, гротескный монолог о слабостях и пороках, ода величию человеческой души. Несмотря на мрачную атмосферу, нагнетаемую с первой до последней строчки и в каждой новой главе, присутствующую за любым поворотом, удивляющим очередной неприятной неожиданностью, она оптимистична. Автор верит в своих героев, в людей по другую сторону страниц, в спасение от Зла во всех его проявлениях, в искупление, даже если здесь и сейчас не может их увидеть. А вместе с ним верит и читатель, который ищет в себе силы для борьбы, даже против собственной воли противостоит внутренним и внешним «демонам», даёт ментальный бой ужасам «подземного» и «поднебесного» миров, заставляя расцвести цветы Добра на пепелище равнодушия и цинизма. Те, кто сумеет одержать верх, узрят свет в конце тёмного тоннеля. И тогда, возможно, серые и багряные тона наполнятся оттенками, которых так не хватало персонажам и наблюдающим за ними библиофилам, запутавшимся в паутине жестокости, страха и отчаяния.

Ирина Малкова, член Союза писателей России

Глава 1

Гул сражения затих, откатившись далеко на восток, и мирная тишина накрыла маленький городок, примостившийся возле грязной и суетливой речушки.

Солнечный диск раскалённой фрезой воткнулся в горизонт, и некогда белая вата туч налилась багрянцем.

Урча моторами, низко пролетело звено острокрылых истребителей, названных «ласточками» из-за характерного горизонтального стабилизатора. «Ласточки», поблёскивая стальными фюзеляжами, скрылись вдали.

– В этот раз весна должна быть хорошей, – сказала женщина с красными руками, усердно перемешивая деревянной палкой окровавленные бинты в кипящем чане. – Фронт ушёл...

И она посмотрела на свою подругу.

– Ушёл, пришёл... – хмуро отозвалась та, орудуя палкой в таком же кипящем чане, стоящем неподалёку.

Обе женщины были одеты в серые шерстяные платья с повязанными поверх желтовато-белыми передниками. Воротнички на платьях были спороты, рукава подвёрнуты, полы обрямканы и грязны.

– Ну ведь когда-нибудь это кончится! – И женщина с красными руками с надеждой взглянула в темнеющие небеса.

– Мы кончимся, и эта срань тоже кончится! – ответила её подруга, смачно плюнув в чан.

Стемнело. Женщины развесили на бельевых верёвках жёлтые ленты бинтов, вылили воду из чанов и, затушив огонь, начали собираться домой.

– С этой работой совсем ничего не успеваю сделать по хозяйству, дом скоро развалится.

– Прибери сиротку. Их сейчас много. За крышу над головой и еду будет тебе помогать.

Кстати, у мадам Пежо самые дешёвые.

– Дешёвые?

– Не дороже десяти скиллингов, а то можно и поторговаться.

– Это что, возле тифозных бараков?

– Нет. Кинотеатр помнишь, который до войны построили...

– У фонтана?

– Да, вот там мадам Пежо и обосновалась.

– Спасибо тебе, Марта, – сказала женщина, пряча свои утомлённые постоянной стиркой руки в карманы ватника.

Марта молча достала мятую пачку трофейных сигарет, закурила и неспешно направилась в сторону своего дома.

– Увидимся завтра в церкви!

– Угу! – ответила ей темнота с удаляющимся красным глазом тлеющей папиросы.

Разгоняя тьму ручным фонариком, другая женщина направилась к центру города. Желтоватое пятно света делало дорогу, изъеденную взрывами, похожей на маасдамский сыр. Можно было пойти другим путём, без риска свалиться в воронку, но выбранный ею маршрут был короче.

Пройдя мимо полуразрушенного здания мэрии – здесь когда-то располагался зенитный расчёт, – женщина вышла на центральную улицу.

Дорога стала ровней, а через несколько метров в темноте показались белые статуи. Фонтан почти не пострадал от обстрела, каменные фигуры детей, взявшихся за руки, весело водили хоровод вокруг крокодила. Рептилия то ли улыбалась, то ли злобно щерилась – понять было невозможно. У некоторых фигур были отбиты руки, у кого-то не хватало ноги. Из каменных культей торчали каркасные штыри, на которые были насажены крысиные тушки. Видимо, под-

опечные мадам Пежо так развлекались в свободное время. Чашу фонтана заполняли рваные мешки с песком и мелким мусором.

Ещё несколько шагов во мраке, и луч фонаря упёрся в щербатый угол здания.

Кинотеатр назывался «Гомер». Построенный в античном стиле, он имел греческий портик и мраморные колонны. Сейчас колонны были разбиты, а их остроконечные обломки походили на зубы мифического существа. Окна и двери кинотеатра плотно забились досками. Там, где раньше располагалась входная дверь, на потемневших досках мелом была нарисована стрелочка.

Женщина, следуя указанному направлению, обошла здание и, оказавшись возле служебного входа уверенно постучала. За дверью послышалось какое-то движение, потом всё смолкло, женщина постучала ещё и ещё раз.

– Кто? – донёсся из-за двери ломающийся детский голос.

– Я к мадам Пежо... по делу.

– Приходите утром.

– Я не могу утром, мне нужно сейчас!

Приглушённые голоса, затем тишина, и дверь, звякнув засовом, отворилась.

На пороге стояла женщина в форме офицера внутренних дел. На лице её была белая маска с прорезями для глаз и рта.

– Здравствуйте, мадам Пежо! Простите, что так поздно...

– Не извиняйтесь, мы открыты в любое время... – и маска учтиво наклонилась. – Проходите!

Посетительница шагнула через порог. В маленьком помещении, где она оказалась, пахло сыростью, кошачьими экскрементами и хлоркой. Дверь за ней закрыл прыщавый юнец, по всей видимости, тот, что изначально не хотел её пускать. Лязгнув засов, заставив вошедшую испуганно вздрогнуть. Опасливо осмотревшись по сторонам, она заметила открытую дверь справа от себя и закрытую, с большим агитационным плакатом – слева. Из полумрака открытой двери за женщиной, держа руку в кармане, наблюдал мужчина в солдатской шинели.

– Не волнуйтесь, это мои люди. Прошу следовать за мной.

Мадам Пежо развернулась на каблуках, открыла дверь, на которой висел плакат с изображением розовощёкого парня, питающегося только по продовольственным талонам, и не оглядываясь быстро пошла в глубь здания. Женщина молча двинулась следом.

Пока они шли по узким коридорам болотного цвета, позади них постоянно раздавался странный звук, словно кто-то постукивал деревянной палкой об пол. Женщина, боясь обернуться, старалась держаться как можно ближе к мадам.

Поднявшись по мраморной лестнице, они остановились возле массивных дверей, ведущих в кинозал. Тусклая лампочка, вздрагивая вольфрамовой нитью, казалось, светила из последних сил, чтобы вырвать из мрака тёмное пространство фойе, в котором прорисовывались три человеческие фигуры – две женские и одна мужская, в солдатской шинели.

– Почему он идёт за нами? – спросила женщина, с опаской рассматривая тёмный силуэт позади себя.

Мадам Пежо развернула посетительницу лицом к себе, поправила выбившийся из её причёски локон и, не ответив на вопрос, спросила сама:

– Как вас зовут?

– Анна.

– Anna und Martha Baden...

– Что вы сказали, я не поняла?

– Вам нужен ребёнок?

– Да, желательно девочку...

– Оплата сразу и наличными.

– Да-да, у меня всё с собой... – засуетилась та, пытаясь достать что-то из-под ватника. Мадам Пежо остановила Анну движением руки, и её белая маска вновь учтиво наклонилась.

– Дети приготовили мне небольшой спектакль, не откажитесь взглянуть, а заодно и присмотрите себе дитя.

– Хорошо, я не против.

Мадам Пежо отворила массивные двери, и обе вошли в кинозал. Он был просторным, на шестьсот посадочных мест. Вот только красных бархатных кресел, которые помнила Анна, здесь уже не было, скорее всего, их разворовали ещё в начале войны. Паркет был содран и лежал кучей возле самодельной железной печки. Небольшая сцена перед рваным экраном и огромная дыра в потолке, сквозь которую заглядывали любопытные звёзды.

– Присаживайтесь вот сюда, – сказала мадам, подводя Анну к авансцене.

Женщина села на грубо сколоченную табуретку, и в тот же миг вспыхнул свет. После серого полумрака он казался ослепительным. Спустя минуту, когда глаза привыкли, Анна увидела на сцене мальчика, одетого в ватник с длинными фалдами. Эта деталь костюма делала его похожим на ведущего, облачённого в концертный фрак. Его чёрные волосы были коротко подстрижены, за исключением длинной чёлки, спадающей на глаза, а над губой виднелись нарисованные маленькие пижонские усики. В руках мальчик держал палку, на которую, словно на кол, была насажена дохлая крыса с раззявленной пастью. По-видимому, этот атрибут выполнял роль микрофона.

– Дамы и господин! Леди и джентльмен! Медам и месью! Сейчас и только для вас дети мадам Пежо разыграют трагические и поучительные истории о мальчишке Билли. Это будет цирковая смеховина в четырёх актах и трёх антрактах, при настоящем электрическом освещении и полном содействии моих дорогих товарищей. Похлопайте нам!

Мадам Пежо и Анна, насколько это было возможно, громко поаплодировали шпрыхшталмейстеру.

– Картина первая!

Мадам наклонилась к уху Анны и прошептала:

– Мальчишку зовут Адик, если передумаете насчёт девочки...

Тем временем шпрыхшталмейстер отошёл в сторону и продолжил:

– Маленький Билли по крыше гулял...

Из-за чёрной ширмы на сцену выскочил подросток, он весело тащил на верёвочке дохлую кошку, к которой каким-то жутким образом приделали колёсики.

– ...Кончилась крыша! И мальчик упал! В воздухе сделал он сальто-мортальто...

В подтверждение слов Адика подросток, играющий роль Билли, сделал сальто и громко приземлился на дощатый пол сцены. Анна от неожиданности вскрикнула, прижав руки к груди.

– ...Долго его отскребали с асфальта!

К упавшему выбежали три девочки с метлой, веником и шваброй и начали «отскребать» Билли от асфальта.

– Шарлотта, Эмили и Энн, – прошептала мадам Пежо в ухо Анны.

Дети поклонились, и толстый мальчик пробежал по авансцене с платком.

Шпрыхшталмейстер по имени Алик, откинув с глаз чёлку, пояснил:

– Это был занавес. А теперь – картина вторая!

При этих словах толстый мальчик побежал в обратную сторону.

– Билли и Клара играли на крыше...

На сцене появились мальчик с девочкой, которые нарочито громко смеялись и подпрыгивали.

– Мальчика зовут Шметтель, а девочку – Хельга, обоим по шестнадцать. До войны они занимались в школе олимпийского резерва, – вновь прошептала мадам Пежо.

На сцене Хельга, продолжая глупо смеяться, с ногами запрыгнула на подростка Шметтеля, тот ловко перехватил её и на прямых руках поднял вверх. Хельга выполнила «свечу» и элегантно спрыгнула. Два громких хлопка заставили Анну вздрогнуть, а Билли и Клару – «умереть».

Шпрыхсталмейстер, заметив реакцию гости, с улыбкой резюмировал:

– После двух выстрелов стало потише...

Поклоны, толстый мальчик с платком, и следующая картина. Шметтель с корзиной для пикника.

– Маленький Билли нашёл ананас, с виду совсем как британский фугас. Ножик достал, решил он поесть...

В этот момент резко погас свет и в темноте раздался громкий хлопок, имитирующий взрыв. В зал полетела тряпичная ветошь и обрывки газет.

– Глазик нашли километров за шесть!

Хохот мужчины в шинели был громче прозвучавшего взрыва. Анна, отряхиваясь от попавшего на неё мусора, украдкой обернулась. Лицо мужчины было обезображено шрамом, левой руки не было, рукав шинели он заправил в карман, а левая нога заканчивалась деревянной палкой-протезом.

– Картина четвёртая!

Адик мотнул головой, откидывая чёлку с глаз.

– Маленький Билли на дыбу залез. Корчился долго и ангелом слез!

Толстый мальчик пробежал с платком. Секунду ничего не происходило, а затем, издавая странные звуки, похожие на хриплое дыхание астматика, из-за чёрной ширмы вышел босой подросток. На нём были бежевые кальсоны, исподняя рубаха, а лицо его закрывала резиновая маска противогаза с гофрированным шлангом. Подросток остановился, глядя в чёрное пространство зала, астматично посипел фильтром, после чего жестом подозвал остальных. С неприятным скрежетом дети в противогазах выволокли чёрную ширму на середину сцены, сорвали с неё тряпку, обнажив дощатый и убогий остов. Скорее всего, эта конструкция должна была олицетворять дыбу.

На сцене снова появился толстый мальчик, он был единственным чьё лицо не закрывала резиновая маска противогаза. Мальчик с интересом осмотрел дыбу и уверенно полез на неё.

– Толстячка зовут Ирушалайн. Очень послушный, но страдает чревоугодием, – шепнула мадам Пежо Анне в тот момент, когда дети закрепили Ирушалайна на дыбе и он начал страдальчески корчиться.

Образовав некое подобие хора, все подопечные мадам Пежо расположились перед дыбой. Сквозь запотелые стёкла они молча смотрели в зал.

В томительной тишине совершенно неожиданно заиграла скрипка. Мелодия была очень тихой и проникновенной. Музыка становилась всё громче и громче, и по мере её усиления дети снимали с лиц резиновые маски.

Боженька, родной мой и любимый!

Мамочка моя вчера погибла,

Хоть город наш зовётся тылом.

Нет у нас ни хлебушка, ни денег,

А теперь и мамочку убило.

Боженька, ты где-то есть, я знаю.

Мама мне об этом говорила.

Сделай так, чтоб армия родная

Всех врагов скорее победила.

Боженька, всё есть у нас, родимый,

Только папы очень не хватает.

*Я уже не помню его имя.
– Господи, Всемилостивый Боже,
Дети на коленях горько плачут.
И Господь всегда в беде поможет.
Очень многое молитва значит!*

Все дети встали на колени, воздев руки к огромной дыре в потолке, через которую на них смотрели звёзды, роня серебряные слёзы комет.

Свет погас. Спустя пару минут загорелось несколько дежурных лампочек, давая понять зрителям, что представление закончилось.

Анна утирала слёзы рукавом ватника и никак не могла успокоиться.

– Позвать всех детей на сцену или только девочек?

Мадам Пежо склонилась к Анне, ожидая её решения.

– Нет, не надо... Сейчас не надо!

– Я подожду, – сказала мадам Пежо и, повернувшись к мужчине в шинели, распорядилась: – Карл, сходи к ним за экран и скажи, чтоб сидели тихо и ждали!

Карл кивнул и, постукивая деревяшкой, направился к экрану, через прорехи которого с любопытством смотрели тринадцать пар детских глаз.

– Скажите, мадам Пежо, – обратилась, хлюпая носом Анна, – а кто так чудесно играл на скрипке?

– Это новенькая, её зовут Томмелиса. Томмелиса, пойдёшь сюда! – громко позвала мадам Пежо.

Из-за экрана, держа в руках скрипку, вышла маленькая худенькая девочка. На вид ей было лет пятнадцать, коротко стриженные волосы, худое личико с большими тёмно-кариими глазами.

– Томмелиса поступила ко мне два с половиной года назад. Умеет читать, писать, играть на скрипке. С детьми не конфликтует. Послушна. Умна. Будет хорошей помощницей.

Анна встала с табуретки, подошла к краю сцены. Внимательно посмотрела на худышку, минуту подумала и, глядя ей в глаза, сказала:

– Меня зовут Анна, у меня нет своих детей. Бог не дал... Живу я одна в маленьком домике возле реки. – Потом, помолчав, добавила: – Пойдёшь со мной? Я тебя не обижу... – И Анна протянула девочке руку.

Томмелиса посмотрела на мадам Пежо, перевела взгляд на экран, за которым затаив дыхание сидели другие сироты, кивнула и робко коснулась руки Анны.

– Томмелиса, вернись к остальным, я тебя позову, – раздался беспристрастный голос мадам Пежо. – Мне нужно поговорить с госпожой Анной.

Девочка, кивнув, отошла к экрану.

Мадам Пежо, обратившись к Анне, без предисловий перешла к делу:

– Десять за девочку плюс ещё два за оформление бумаг, итого – двенадцать скиллингов. Будете брать?

Анна молча вытащила из-под ватника тряпочку, в которой позвякивали серебряные монетки, и, отсчитав двенадцать, протянула мадам Пежо.

– Поздравляю! – сказала мадам, забирая деньги. – Карл, скажи всем, пусть идут в спальню. Томмелиса, возьми свои вещи, попрощайся с детьми и вернись сюда!

Повернувшись к Анне, мадам Пежо добавила:

– Документы завтра принесёт Шметтель. Мне нужно время, чтобы всё оформить. Вы не против?

– Нет, что вы. Я живу в голубеньком домике с резным палисадом на улице Эльсинора, дом двенадцать.

Через полчаса Анна шла домой, держа за руку Томмелису. Из вещей у девочки оказались только старенькое драповое пальто серо-зелёного цвета и скрипка в потёртом футляре.

– Ты любишь грецкие орехи? – спросила Анна.

– Я никогда их не видела... – тихо ответила Томмелиса.

Анна остановилась, передала ей фонарик и, порывшись в кармане, извлекла на свет три грецких ореха.

– Вот, держи. Придём домой и аккуратно их откроем. В детстве я делала крохотных тряпичных куколок, а скорлупа грецких орехов служила им кроватками... Хочешь завтра сделаем тебе таких?

Томмелиса радостно закивала, прижимая подарок к груди. Потом она убрала орехи в карман, и они пошли дальше, отгоняя ночную тьму лучом фонаря. А сверху на них, улыбаясь, смотрели звёзды.

Глава 2

Прошёл год. За это время Томмелиса подросла и похорошела. Анна не могла на неё нарадоваться. Томмелиса была трудолюбива, скромна и послушна. Она каждое утро ходила на обязательные курсы военной подготовки для молодёжи. К обеду возвращалась домой, занималась хозяйством и шла в госпиталь помогать матушке.

Вечером Томмелиса и Анна садились за круглый стол, под зелёную медузу старого абажура, пили морковный чай и обсуждали дневные новости.

Когда начинались авианалёты, они наглухо зашторивали окна и зажигали толстую восковую свечу, ставя её на дно железной кружки. Томмелиса и Анна шёпотом говорили, как хорошо было до войны, потом замолкали, напряжённо прислушиваясь к гулу моторов пролетающих над ними бомбардировщиков. Глядя на огонёк свечи, они ждали когда наступит тишина, и только потом устало засыпали. Поскрипывая зубчатым механизмом, настенные часы двигали стрелки, отмеряя неуловимо бегущее время. За окном начинало светлеть, а огонёк свечи всё плясал и плясал в восковой лужице, не желая гаснуть.

Разорвав тишину, низко пролетело звено стальных «ласточек», скрываясь в туманной сырости раннего утра. Гулко заохали взрывы, заставив землю испуганно вздрогнуть.

Томмелиса очнулась от тошнотворно-липкого сна. Девочка не могла понять, где она и почему комната слегка покачивается, а в глазах двоится.

В утреннем полумраке Томмелиса разглядела иллюминатор.

– Странно, откуда у нас в доме иллюминатор...

Она попыталась встать. Ноги и руки плохо слушались, голова гудела. Через несколько минут девочка осознала, что находится на борту какой-то лодки или катера. Железные переборки, запах оружейного масла и тишина.

– Матушка! – тихо позвала Томмелиса.

Никто не ответил. Она позвала громче, потом ещё и ещё раз. Чувствуя нарастающую тревогу, Томмелиса вскочила с топчана, на котором лежала, и громко забарабанила в стальную дверь.

Неожиданно из-за двери раздался голос:

– Томми?

Голос был молодым и хорошо знакомым.

– Шметтель?!

– Томми!

– Шметтель!

– Как ты здесь очутилась?

– Я не понимаю, – ответила Томмелиса, крепко сжав виски. – Голова гудит. Куда я попала?

– Ты в боевом катере возле старого пирса, который находится недалеко от твоего дома...

– Что я тут делаю?

– Не знаю... – Шметтель подёргал дверь. – Заперто...

– Ты сможешь открыть?

– Эту дверь можно открыть только ключом.

– Шметтель, а что ты тут делаешь? – спросила Томмелиса, осматривая каюту, в которой неожиданно очутилась.

– В соответствии с постановлением ГКО №6784сс, на военную службу призываются юноши моложе призывного возраста на 1—2 года... Я в боевом охранении стратегически важного объекта... Ну, в общем, я этот пирс охраняю...

– Шметтель, милый, спаси меня!

– Тихо, – прошептал молодой боец в замочную скважину, – сюда кто-то идёт!

Возле старого причала покачивался на малой волне пришвартованный боевой катер. Лупоглазая стрекоза села на дульный срез зенитного пулемёта и с интересом стала наблюдать за мальчишкой в мешковатой форме, цвета хаки, затаившимся на корме, за снаряжными ящиками.

– Шеф младший офицер, как же вы это здорово придумали! Вы такой умный... твою ж мать!

– Под ноги смотри!

– Простите, запнулся об коряжку...

Из-за камышей показались двое, на них были пятнистые брезентовые костюмы и респираторные маски, болтавшиеся на шеях. Один из военных нёс на плечах большой мешок, сгибаясь под его тяжестью. Второй, очень тучный, шёл почти налегке, держа в одной руке пустой баллон с маркировкой СНСЛ на легированном стальном боку.

– Просунуть резиновый шланг под дверь и открыть баллон с усыпляющим газом. Потом зайти в дом и забрать всё что хочешь. Шеф, вы гений!

Толстый поставил баллон на пирс, смахнул пот со лба и внимательно осмотрелся.

– Тихо-то как...

– Что?

Его подельник шумно выдохнул, ставя мешок, с награбленным добром рядом с баллоном.

– Я говорю, тихо-то как – благодать!

– Простите, шеф, кому дать?

Тучный офицер королевского флота повторил фразу во всю мощь своих лёгких, так что спящие в камышах утки с кряканьем шархнулись в разные стороны. Тощий вытянулся в струну и, прижимая растопыренную пятерню к обритой под ноль голове, отрапортовал:

– Так точно, тишь да гладь, божья благодать!

Шеф достал планшет, открыл его и, разглядывая карту, негромко сказал:

– Смотри, Жермен, отплывём в тихую заводь, это вот тут, – он ткнул розовым пальцем, похожим на сосиску, в карту. – Там вдосталь и позабавимся с девкой.

Матрос по имени Жермен гаденько хихикнул и начал расстёгивать брезентовый комбинезон.

– Не шурши. Как наиграемся, мешок ей на голову, утюг к ногам и за борт.

– А если...

– Без всяких «если»! Это понятно?

– Понятно.

– Затем перемещаемся вот в этот квадрат. Там скинем хабар и к полудню перейдём, согласно приказу, на боевую позицию, вот сюда. – И палец-сосиска ткнул в другую часть карты. – Ясно?

– Так точно, шеф младший офицер!

– Заводи катер, а я проведу девицу.

Томмелиса, прильнувшая ухом к замочной скважине, слышала весь разговор. От страха у неё всё похолодело внутри, а руки начали предательски мелко дрожать.

Катер вздрогнул, просыпаясь от сна, заурчал дизельным двигателем, чихнул и заглох.

– Жермен, ты когда дизель починишь?

– Это не дизель, это чё-то с электрикой...

– В рот пароход, полкило печенья! Чтoб завтра устранил неисправность. Иначе пойдёшь под трибунал, понял?!

– Понял, – недовольно буркнул Жермен, ещё раз поворачивая ключ зажигания.

Катер фыркнул, выпустил чёрный дым и завёлся.

Дважды щёлкнул замок, железная дверь открылась, впуская прохладу утра и солнечный свет. На пороге стоял толстый речник в расстёгнутом комбинезоне, из которого торчал волосатый живот,

– Ты посмотри, кто у нас тут проснулся!

– Отпустите меня! Я никому ничего не скажу! – взмолилась Томмелиса.

– Конечно отпустим, свадебку сыграем и сразу отпустим. О таких женихах, как мы, можно только мечтать. Моряки королевского речного флота триста восемьдесят шестой бригады разведывательно-патрульной службы. Речная элита, кровь с молоком.

Томмелиса до боли сжала кулачки и, глядя в глаза толстому моряку, сказала:

– Никакая вы не элита! Вы пара мерзких и гнусных воришек...

– Сейчас ты у меня по-другому запоёшь, – и речник угрожающе двинулся на Томмелису.

Грохнувший ружейный выстрел заставил его остановиться. Младший офицер, испуганно озираясь, закрутил головой. Воспользовавшись этим моментом, Томмелиса с разбегу ударила его головой в живот. Толстяк крикнул от нанесённого удара, попятился, запнулся о комингс отсека, потерял равновесие и отчаянно замахал руками, пытаясь удержаться. Следующий удар Томмелисы заставил речника ещё сильнее отшатнуться назад. Он угрожающе накренился, вцепившись руками в перила, и, заорав, как раненый бизон, рухнул за борт, взметнув фонтан брызг.

– Томми, ты в порядке? – крикнул Шметтель, держа на мушке Жермена, испуганно задравшего руки вверх.

– Порядок! Я столкнула одного за борт.

– Поднимайся сюда, в рубку.

Томмелиса забежала в каюту, сорвала какую-то тряпку с топчана, повязала её поверх ночной рубахи, в которой была, и, шлёпая босыми ногами, побежала наверх. Увидев Шметтеля, она радостно бросилась к нему на шею. Шметтель, не выпуская винтовки, мягко отстранил Томмелису, важно пояснив:

– Не торопись, сначала надо задержать этих расхитителей частной собственности.

Томмелиса чмокнула своего спасителя в щёку и зло посмотрела на пленённого им матроса.

– Как же вам не стыдно грабить и убивать своих?!

Ответить он не успел, из прибрежных камышей раздался выстрел, и пуля ужалила Шметтеля в руку, заставив его согнуться от боли. Пленённый матрос Жермен тут же сиганул за борт.

Вторая пуля чиркнула Томмелису по щеке.

– Томми, пригнись!

Шметтель бросил винтовку и здоровой рукой потянул Томмелису вниз.

Следующая пуля, выпущенная толстым речником из камышей, ударила в стальную обшивку рубки и с визгом отрикошетила в сторону.

– Уходим! – крикнул Шметтель, заскакивая в ходовую рубку.

Пригибаясь, он подбежал к панели и аккуратно сдвинул рычаг управления ходом. Предварительно переложив штурвал влево и заставив корму катера резко отойти вправо, дал двигателю самый малый вперёд. Затем Шметтель потянул рычаг вниз, запустив малый задний ход, и переложил руль вправо.

Катер начал отходить от пирса, но неожиданно дёрнулся и, загудев дизелем, заелозил на месте, крепко привязанный швартовым канатом к причальному кнехту. Старый пирс кряхтел и скрипел, не отпуская катер.

– Томми, на рубке пулемёт, нам нужно оборвать канат, который нас держит... Ты сможешь это сделать?

Томмелиса не раздумывая бросилась наверх, к стальной турели, на которой был закреплён зенитный пулемёт.

Она передёрнула затвор, щёлкнула предохранителем и, повернув оружие, вдавила гашетку.

Очередь срезала камыши, заставив шефа младшего офицера упасть лицом в прибрежную тину, гнусно пахнущую тухлыми улитками. Томмелиса перевела слегка дымящееся дуло на пирс. Пулемёт сплюнул очередную порцию свинца, и щепки словно брызги полетели в разные стороны.

– Мать божья! – закричал матрос Жермен, который доплыл до причала и трусливо спрятался под ним.

Томмелиса прищурила черноокий глаз и снова вдавила гашетку. Натянутый канат лопнул, отпуская катер на свободу. Израненный пирс, устало застонав, рухнул, погребя под собой орущего матроса.

Катер ушёл в «чистую воду», развернувшись, фыркнул дизелем и на всех оборотах устремился к устью реки.

Томмелиса сбегала вниз. Подскочив к Шметтелю, радостно запрыгала вокруг него, повторяя:

– Мы их сделали! Мы их сделали!

Они дружно рассмеялись. Шметтель попытался поддержать Томмелису в её скачущей радости, но тут же, зажав окровавленный рукав, застонал от боли.

Девушка осмотрела ходовую рубку и, заметив ящик с красным крестом, побежала к нему.

– Конечно, весь спирт выпили! Бинтов вообще нет. Хорошо хоть йод чудом уцелел.

Она поболтала содержимым бутылки из тёмного стекла, разглядывая её на просвет. Потом, вернувшись к Шметтелю, расстегнула манжет его гимнастёрки и, разорвав рукав, открыла рану.

Шметтель, стоя у приборной панели, спокойно маневрировал, обходя извилистые повороты реки, держа штурвал здоровой рукой.

– Тебе повезло, кость не задета, а пуля прошла на вылет. До свадьбы заживёт!

– У тебя на лице кровь, – обеспокоенно сказал Шметтель, разглядывая Томмелису.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.